

Михаэль Энде

Школа волшебства

и другие истории

Иллюстрации
Регины Кен

Михаэль Андреас Гельмут Энде «Школа волшебства» и другие истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67099905

«Школа волшебства» и другие истории: Махаон, Азбука-Аттикус;

Москва; 2021

ISBN 978-5-389-20437-9

Аннотация

Михаэль Энде – великий сказочник, автор знаменитой «Истории, конца которой нет». Его произведения для детей давно стали мировой классикой и переведены на множество языков.

Энде создал удивительный мир. В его историях черепаха спешит на свадьбу льва, а мухи вызывают на спортивную дуэль слона. Девочка Леночка заколдовывает непослушных родителей, а плюшевый мишка разгадывает тайну своего существования. Все истории проникнуты любовью и мудростью. Михаэль Энде как добрый волшебник помогает по-новому взглянуть на мир и самого себя. Он делится с читателем своим главным секретом: чтобы овладеть волшебством не нужна магическая палочка – важно верить в себя и знать свои истинные желания.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Вместо предисловия, или Если быть точным	7
Школа волшебства	17
Транквилла Неуклюжевна, или Сказка о черепаше, которая приняла твёрдое решение	56
Маленький лоскутный Петрушка	70
Леночкина тайна	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Михаэль Энде
«Школа волшебства»
и другие истории

Michael Ende

DIE ZAUBERSCHULE UND ANDERE GESCHICHTEN

Mit Bildern von Regina Kehn

Иллюстрации Регины Кен

© 1994, 2008 by Thienemann in Thienemann-Esslinger Verlag GmbH, Stuttgart

© Воропаев Е. В., наследники, перевод на русский язык, 2021

© Яснoв М. Д., наследники, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

Machaon®

Вместо предисловия, или Если быть точным

Всем членам нашей семьи от мала до велика свойственна одна и та же маленькая слабость – мы ужасно любим читать. Вряд ли хоть один из нас отложит на минуточку книгу в сторону, чтобы уладить какое-нибудь срочное и важное дело. Это вовсе не означает, будто мы больше ничем не занимаемся. Просто мы считаем, что ради других дел совершенно незачем отказываться от чтения. Одно другому не мешает,

как говорится. Правда, из-за этой нашей привычки случаются подчас всякие недоразумения, но так ли уж это страшно?

Дедушка, скажем, сидит в мягком удобном кресле с высокой спинкой, покуривает трубку и держит в руке книгу. Он читает. Спустя какое-то время он выбивает трубку о край пепельницы, что стоит перед ним на столике. Если быть точным, то это, собственно говоря, не совсем пепельница. Скорее цветочная ваза. Звон стекла, раздающийся при этом, напоминает дедушке, что уже давно следовало бы принять микстуру от кашля. Он, не глядя, хватает цветочную вазу и выпивает её содержимое.

– Кхм-кхм, – ворчит он, причмокивая, – сегодня, однако, кофе исключительно крепкий... только, к сожалению, уже холодный.

Бабушка, скажем, сидит на софе в дальнем углу комнаты. На носу у неё очки, а в руках позвякивают спицы. На коленях лежит толстая книга, которую она внимательно читает. И при этом вяжет, и вяжет, и вяжет. «Что именно?» – спросите вы. Носок, разумеется. Впрочем, если быть точным, это, собственно говоря, уже не совсем носок, а скорее гигантская шерстяная змея, кольцами свернувшаяся на полу по всей комнате. Перелистывая новую страницу, бабушка бросает быстрый взгляд поверх очков на страшилище у её ног и бормочет:

– Сдается, у нас опять где-то пожар. И всё же пожарным не следовало бы так бесцеремонно раскидывать повсюду свои

шланги!

Папа у нас художник. Он, допустим, стоит перед мольбертом в своей мастерской и пишет портрет одной знатной дамы. Дама эта сидит перед ним в кресле, на голове у неё обворожительная шляпка с цветами, а на коленях она держит мопса. Отец рисует одной рукой, поскольку в другой у него книга, которую он с интересом поглощает. Когда картина наконец готова, дама поднимается и, сгорая от нетерпения, подходит ближе, дабы полюбоваться собственным изображением. Картина получилась очень красивая. Хотя, если быть точным, несколько, быть может, неожиданная, поскольку отец пририсовал даме в шляпке с цветами мордочку мопса, а мопсу у неё на коленях – лицо дамы. Поэтому заказчица покидает мастерскую весьма рассерженная, так и не купив портрет.

– Ну конечно, – сокрушается отец, – я, надо признать, не очень-то польстил оригиналу... Зато сходство просто поразительное!

Мама, скажем, готовит на кухне обед. К счастью, она позабыла зажечь под кастрюлей горелку, иначе вода, вероятно, уже давно бы выкипела и суп чуточку бы подгорел. Потому что в руке мама держит книгу и увлеченно её читает. В другой руке у неё поварёшка, которой она безостановочно помешивает в кастрюле. Но, если быть точным, это не совсем поварёшка – скорее длинный термометр. Спустя некоторое время она бросает на него взгляд и, неодобрительно покачи-

вая головой, произносит:

– Ещё час прошёл. Так я ни за что вовремя не управлюсь с обедом!

Старшая сестра (ей четырнадцать) сидит, скажем, у телефона в прихожей и крепко прижимает трубку к уху. Ведь телефоны, как известно, именно для четырнадцатилетних сестёр и придуманы, поскольку без трубки у уха все четырнадцатилетние сёстры на свете наверняка давным-давно умерли бы от недостатка новостей – как ныряльщик без акваланга от недостатка кислорода. Но наша четырнадцатилетняя сестра, кроме того, держит в руке книгу, которую читает. Несмотря на это, она прекрасно слышит всё, что рассказывает ей подруга. Хотя, если быть точным, всё не так уж и замечательно, поскольку сестра вообще не набрала номер. Таким образом, часа приблизительно через два она наконец как бы между прочим интересуется:

– Скажи на милость, а кто, собственно, такой этот Гу-Гу-Гу, о котором ты без устали мне рассказываешь?

Младший брат (ему десять) направляется, скажем, в школу. В руке у него, естественно, тоже книга – он читает. А что ещё можно делать, пока едешь в трамвае? Трамвай покачивается из стороны в сторону, гроыхает, едет себе вверх и вниз, но почему-то с места так и не трогается. Если быть точным, это, собственно говоря, не совсем трамвай, а скорее наш лифт, из которого братец позабыл выйти. Через несколько часов, так и не доехав до школы, он озабоченно

бормочет:

– Наверняка учитель опять не поверит, что я не виноват в том, что опоздал на урок.

Самый юный член нашей семьи, грудной младенец, лежит, допустим, в своей кроватке. Естественно, в нашей семье читает даже такой малыш. У него, как и у всех остальных, в руке книга, только она поменьше и полегче, чем книги старших, – такая специальная книга для грудных детей. Другой ручкой он сжимает бутылочку с детской смесью, поскольку его задача, к которой он относится исключительно серьёзно, состоит в том, чтобы хорошенько питаться, он должен вырасти большим и сильным, чтобы впоследствии читать книги побольше и потяжелее. Но, если быть точным, то, что он держит в руке, собственно говоря, не совсем его бутылочка, а скорее пузырёк чернил. Но малыш, слава богу, не пьёт из него, а только время от времени выплёскивает несколько ка-

пель себе на голову. Это ему ничуть не мешает, и, лишь когда жирная чернильная клякса наконец падает на страницу, которую он в данный момент пробегает глазами, карапуз начинает требовать (а я надеюсь, никто не сомневается в том, что наше учёное дитя умеет разговаривать):

– Зажгите же кто-нибудь свет! Стало так темно, что даже слов не разобрать!

Задача нашей кошки, как и большинства кошек во всём мире, – ловить мышей. Это её основное ремесло, поэтому она нередко часами просиживает возле мышиной норы в кладовке, за платяным шкафом слева. Само собой, в лапках у неё тоже маленькая книга. Как же ещё коротать время в засаде, если не читать! (А тот, кто верит, что кошка умеет читать, не станет удивляться тому, что она умеет и говорить.) Так вот, как уже было сказано, сидит она перед мышиной норой. Но, если быть точным, это, собственно, не совсем нора. Потому что, пока наша кошка углубилась в книгу, мыши развернули её на 90 градусов и отодвинули чуточку в сторону, так что сидит она теперь возле штепсельной розетки. Время от времени она, как и положено, запускает в неё коготки, и тогда из хвоста у неё сыплются искры.

– Ну и ну! – испуганно вскрикивает кошка. – Вот это книга! Какой накал страстей!

Наша древесная лягушка сидит, скажем, в своей лягушачьей стеклянной банке. У неё ответственная должность: она предсказывает погоду, перемещаясь по лесенке вверх и вниз.

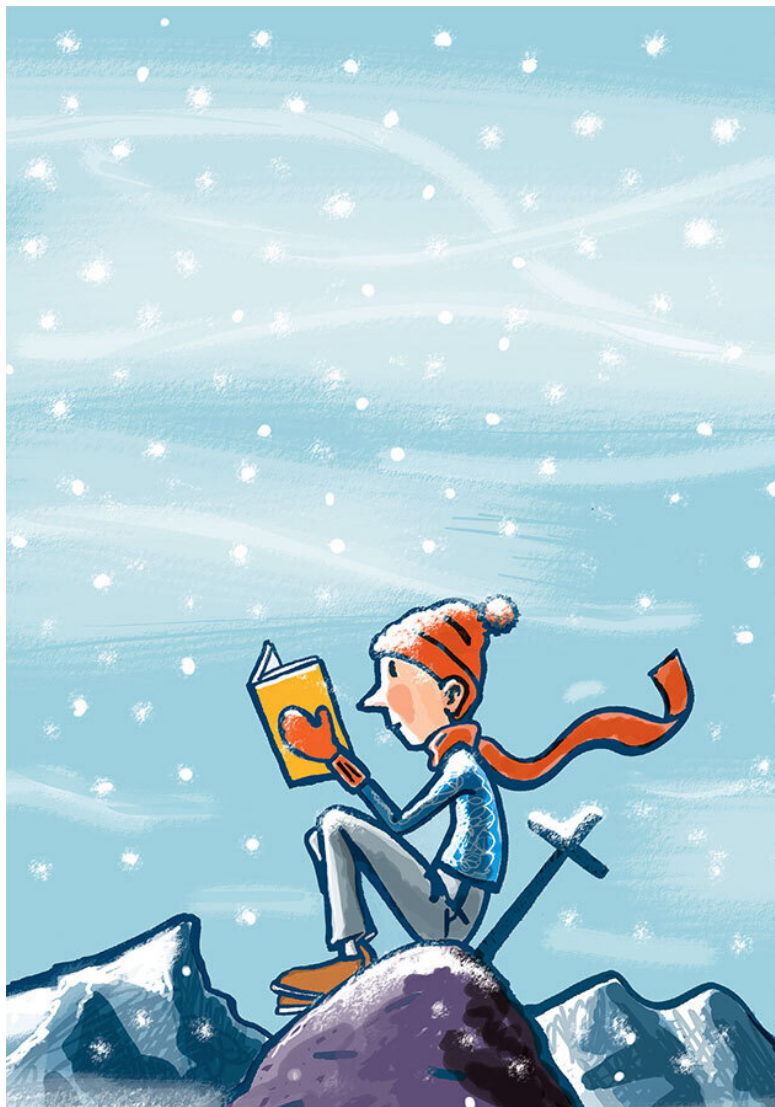
И она исключительно добросовестно исполняла бы свои обязанности, если бы не читала, так как у нас, само собой разумеется, даже древесная лягушка имеет свою собственную водостойкую лягушачью книгу размером с почтовую марку. (О том, что земноводное, способное читать, умеет также и разговаривать, даже упоминать не стоит.) Только вот обстоятельства в данный момент таковы, что наша лягушка читает, не отрываясь от книги ни на минуту, из-за чего не уделяет должного внимания своей основной работе. Впрочем, порой её начинают мучать угрызения совести, и она вспоминает о деле. Чтобы продемонстрировать чистоту своих помыслов и усердие, она внезапно срывается с места, не выпуская книжицу из влажной лапки, и спешно взбирается по лесенке. Или столь же торопливо спускается. Последнее, если быть точным, вовсе не означает, что она прыгает со ступеньки на ступеньку, – нет, она делает шаг в пустоту и стремительно соскальзывает вниз, производя при этом изрядный грохот.

– Если я правильно расцениваю своё поведение, – квакает она затем, потирая зелёную поясницу, – ожидается резкая перемена погоды!

Единственный в нашей семье, кто не умеет читать, это, как ни странно, книжный червь, который живёт в восьмом томе энциклопедии Брокгауза. Нет-нет, повторяю, он при этом не умеет читать. Книги он рассматривает исключительно с точки зрения их съедобности. Поэтому его суждения о хорошем или плохом вкусе, по крайней мере в отношении

книг, имеют весьма ограниченную ценность. Да, впрочем, мы и не считаем его равноправным членом нашей семьи.

Вероятно, теперь кто-нибудь полюбопытствует, а какие, собственно говоря, родственные узы связывают с прочими членами семьи лично меня. Должен признаться, мне и самому это не до конца ясно. Если быть точным, я вообще не знаю этих людей и, между нами говоря, совсем не уверен, что они действительно существуют. Вполне возможно, что история, только что рассказанная мною, получилась такой именно потому, что, записывая её, я одновременно читал лежащую передо мной книгу.

И в заключение я могу предложить вам заняться тем же самым. Правда, это означает, что вы и так уже последовали моему совету, иначе ничего бы не знали о героях этой истории. Итак, если нам по пути, давайте читать вместе дальше.

Школа волшебства

Я полагаю, моим юным читателям будет интересно всё, что так или иначе связано со школой. Поэтому сейчас мне хочется рассказать о том, как проходят занятия в Стране желаний.

Страна желаний – это край, о котором в сказках говорится, будто желание там кое-что ещё значит. Впрочем, надо заметить, расположена эта страна не так уж и далеко от Повседневного мира, как полагает большинство людей, хотя посетить её можно, лишь получив персональное приглашение. Дело в том, что жители Страны желаний являются противниками массового туризма. Возможно, многие сочтут такое ограничение досадным недоразумением, однако оно имеет вполне разумное объяснение. В этом убедится каждый, кто прочтёт мой отчет о посещении этой страны.

Большинство волшебников прежних времён родом из этих краёв. Сегодня они, за небольшим исключением, предпочитают оставаться дома. Можно даже сказать, что в Стране желаний чуточку колдовать умеет каждый. Но, чтобы выучиться волшебству по-настоящему, так сказать, мастерски овладеть этим искусством, нужно непременно закончить школу.

Случились описываемые мной события много лет тому назад, когда многих из вас ещё не было на свете. В те далёкие дни, отправившись однажды в командировку, я оказался в этой овечьей легендами стране (само собой разумеется, по официальному приглашению). Чтобы основательнее изучить нравы и обычаи её жителей, я прожил там некоторое время и, воспользовавшись удобным случаем, свёл знакомство с двумя ребятами. Они были близнецами: паренёк по имени Муг и девочка Амаласвинта, простоты ради называемая Мали. Им было около девяти лет, оба голубоглазые и черноволосые, он подстрижен ёжиком, а у неё – чёлка. У их родителей, людей исключительно приветливых и радушных, я снимал комнату. Дети тоже оказались очень симпатичными и как могли помогали мне в моих исследованиях. Так вышло, что время от времени мне приходилось присутствовать на уроках в их школе. Тогда я чаще всего усаживался на заднюю парту и тихонечко слушал, поскольку не хотел никому мешать.

Стоит упомянуть, что не всякий мог запросто поступить в такую школу – только особо одарённые дети, то есть те, кто от природы наделён необычайно мощной силой желания. Ведь на самом деле все дети способны горячо чего-то желать, просто большинство из них тут же забывают о том, что они только что непременно хотели получить, и увлекаются чем-то другим. Чтобы поступить в Школу волшебства, нужно иметь огромное терпение и дар страстно желать чего-нибудь. Для проверки этих способностей проводятся специальные испытания.

Класс, с которым я познакомился, состоял из семи учеников, однако, чтобы не затягивать эту историю, я не буду подробно рассказывать о каждом из них. Как я узнал позднее, учеников должно быть непременно не больше десяти, причём нечётное число, то есть минимум три и максимум девять. Если же в школу поступало более девяти ребят, набирался отдельный класс, а если число учеников оказывалось чётным, им приходилось ждать, пока к ним присоединится ещё один. Как и когда сложилась подобная традиция, я не сумел выяснить, но именно так было заведено.

Учителя звали Розмарино Зильбер. Это был пухленький господин неопределённого возраста, который носил на носу маленькие очки, а на голове – цилиндр небесно-голубого цвета. Он часто лукаво улыбался и вообще выглядел так, словно ничто на свете не могло лишить его спокойствия и ровного расположения духа.

Когда в первый день занятий он вошёл в класс, все ученики уже сидели на своих местах и выжидательно смотрели на него. Он поздоровался, представился и спросил у каждого имя, как это принято и в наших школах. Покончив с этим, он расположился в удобном кресле с высокой спинкой, сложил руки на животе, закрыл глаза и погрузился в молчание.

– Простите, господин Зильбер, – не выдержал Муг, уже места себе не находивший от нетерпения, – когда же мы займёмся волшебством?

Поскольку учитель продолжал хранить молчание, Муг повторил свой вопрос погромче. Господин Зильбер открыл глаза и задумчиво посмотрел на него сквозь маленькие очки. Затем усмехнулся и ответил:

– Не нужно кричать, мой мальчик, я всё прекрасно слышу. Наберись терпения, поскольку для начала я должен объяснить вам одну важную вещь и как раз сейчас обдумываю, как это лучше сделать.

Помолчав ещё некоторое время, он добавил:

– Итак, все вы собрались здесь, потому что хотите научиться волшебству. Но прежде расскажите мне, как вы себе это представляете.

Мали вызвалась первой:

– Я думала, что мне надо будет учить всякие заговоры и заклинания, а также разные движения, которые делают руками, когда колдуют.

– Должно быть, – подхватил следующий ученик, – для

колдовства требуются какие-то приспособления, например химические реторты, или как там они называются, и особые стеклянные колбы...

– И разные травы, порошки и мази, – добавила одна девочка.

– Волшебная палочка! – предположил кто-то ещё.

– Или книги с тайными письменами, – высказал своё мнение другой мальчик, – расшифровать которые можно только с помощью какого-нибудь секрета.

– Магический меч! – с воодушевлением воскликнул Муг.

– А ещё красивая длинная мантия, – мечтательно проговорила Мали, – из синего бархата, вся усеянная звёздами, и высокая остроконечная шапка...

– Все это, однако, – остановил её господин Зильбер, – лишь внешние и вовсе не главные атрибуты волшебства, которые для одних важны, а для других нет. То же, что действительно необходимо, одновременно и намного проще, и намного труднее. Это заключено в вас самих.

Дети растерянно молчали.

– Итак, речь идёт о желаниях, – сказал господин Зильбер. – Тот, кто хочет научиться колдовать, должен обладать немалой силой желания и уметь её концентрировать. А кроме того, он должен познать свои сокровенные желания и научиться управлять ими. – Учитель снова сделал паузу и затем продолжил: – Собственно говоря, нужно только признаться самому себе совершенно открыто и честно, чего ты по-на-

стоящему хочешь, – всё остальное получится, так сказать, само собой. Однако это не так-то просто.

– А что же тут особенного? – удивился Муг. – Если я чего-то хочу, то именно этого я и хочу. Вот и все дела! Только разве это поможет мне научиться колдовать?..

– Потому-то я и завёл разговор о сокровенных, истинных желаниях, – пояснил господин Зильбер. – Они открываются только в том случае, если проживаешь свою собственную историю.

– Свою собственную историю? – переспросила Мали. – А она есть у каждого?

– Нет, в том-то и дело, что не у каждого, далеко не у каждого... – Учитель вздохнул. – Хотя у нас, в Стране желаний, условия сравнительно благоприятные. Но вот за границей, в Повседневном мире, большинство людей никогда не проживает свою собственную историю. Они даже не придают ей никакого значения. То, что происходит с ними, могло бы произойти с любым другим человеком. Разве не так?

Произнося эти слова, он взглянул на заднюю парту, словно обращаясь ко мне. Ребятишки оглянулись. Я смущённо кивнул, подтверждая правоту его слов, и слегка покраснел.

– А потому, – продолжал свою речь господин Зильбер, – людям в Повседневном мире почти никогда не открываются их истинные желания. Этим беднякам зачастую только кажется, будто им известно, чего они хотят. Один, к примеру, полагает, что хотел бы стать знаменитым врачом, профессо-

ром или министром, хотя на самом деле его сокровенное желание – чего он совершенно не допускает – заключается в том, чтобы быть просто хорошим садовником. Другой думает, что с удовольствием разбогател бы и достиг вершин могущества, хотя его призвание – работать клоуном в цирке. Многие люди жестоко обманываются, убеждая себя и других в том, будто всерьёз желают, чтобы дела у всего человечества складывались удачно, чтобы все вокруг жили счастливо и в достатке, чтобы все на свете уважали друг друга, чтобы на Земле торжествовала правда и царил мир. Такие благожелатели очень бы удивились, если бы им открылись их истинные, сокровенные желания. Они только думают, что желают всего вышеперечисленного, потому что хотят казаться добродетельными. Однако хотеть, по-видимому, вовсе не означает действительно желать. Подлинные желания людей подчас прямо противоположны тому, о чём они говорят. Поэтому они очень редко находятся в полном согласии с собой. И поскольку их желания оказываются чужими желаниями из чьей-то чужой истории, они не проживают свою историю. А потому, естественно, и колдовать не умеют.

– Означает ли это, – уточнила Мали, – что тот, кто живёт в согласии с самим собой и кому известны его истинные желания, уже поэтому только может колдовать?

Господин Зильбер утвердительно кивнул:

– Иногда ему даже не нужно ничего особенного делать, чтобы его желание исполнилось. Всё устраивается как бы са-

мо собой.

Ребятишки на некоторое время задумались, потом Муг спросил:

– А вы сами умеете колдовать?

– Естественно, – с достоинством ответил господин Зильбер, – иначе я не был бы вашим учителем. Я научу вас всему, что знаю сам, потому что именно это и есть мое желание.

– А не могли бы вы в таком случае, – поинтересовалась Мали, – что-нибудь наколдовать для нас? Так, для забавы, я имею в виду.

– Всему своё время, – пояснил господин Зильбер. – Пока ещё рано. И в настоящий момент я этого не хочу.

Вид у детей был несколько разочарованный.

– А вам приходилось когда-нибудь колдовать по-настоящему? – задал Муг вопрос в надежде хотя бы услышать занимательную историю.

– Само собой, приходилось, – ответил господин Зильбер. – Я, например, пожелал, чтобы все вы пришли ко мне в школу, и вот вы здесь.

– Ах та-а-ак... – протянул Муг и обменялся быстрыми взглядами с сестрой. – А если бы мы не пришли?

Господин Зильбер, улыбнувшись, покачал головой:

– Но вы же пришли.

– Мы сделали это сами, нас никто не заставлял! – хором закричали дети.

– Угмонитесь, пожалуйста! Прошу вас всегда соблюдать

тишину! Нет сомнений, все вы пришли сюда по доброй воле, – успокоил класс господин Зильбер. – Потому что хороший волшебник всегда с уважением относится к желаниям других людей. Он никого не принуждает. Ваше желание и моё как раз совпали. Секрет именно в этом.

– А разве не бывает злых желаний, – удивилась Мали, – и злых волшебников?

Лицо господина Зильбера стало серьёзным.

– Это очень важный вопрос, дорогая Мали. Ты совершенно права, злые волшебники тоже встречаются. Правда, крайне редко. Потому что они тоже должны пребывать в согласии с самими собой, только на сей раз во зле. А на такое почти никто не способен, ведь в этом случае необходимо ничего и никого не любить, даже самого себя. А кроме того, такой волшебник имеет власть лишь над теми, кто не понимает, чего он действительно хочет. Поэтому-то так важно, чтобы вы прилежно учились, ибо волшебство – занятие серьёзное, даже если использовать его только за тем, чтобы позабавить других. Надеюсь, теперь вы всё поняли.

Дети молчали задумавшись.

– А сейчас, – продолжал господин Зильбер, – я расскажу вам о тех правилах, по которым действуют желания.

Он встал и написал на доске:

1. Желай только то, что считаешь возможным.

2. Действительно возможно только то, что относится к твоей истории.

3. К твоей истории относится только то, что ты и вправду желаешь.

– Вы должны не просто запомнить эти правила, – господин Зильбер подчеркнул строчки, – но и поразмышлять над ними. Даже если смысл их вам не до конца ясен, со временем вы всё поймёте.

– Означает ли это, – взволнованно спросил Муг, – что если я считаю возможным для себя полететь, то я полечу – просто так, возьму и полечу?

Господин Зильбер утвердительно кивнул:

– Да, полетишь.

Муг вскочил с места:

– А вот я прямо сейчас и проверю! Заберусь на крышу школы и прыгну.

Он опрометью бросился к двери, и господин Зильбер даже не сделал попытки удержать его. Муг вдруг заколебался и обернулся к учителю:

– А если я все же упаду на землю?

Господин Зильбер снял очки и протёр стёкла.

– Значит, ты не уверен, что умение летать относится именно к твоей истории? – спросил он, водрузив очки на нос и испытующе взглянув сквозь них на мальчика.

– Откуда мне знать, – смущённо признался Муг.

– Стало быть, ты сомневаешься? – продолжал господин Зильбер.

– Ну да... – Муг пожал плечами.

– Похоже, ты плохо знаешь себя, – заметил господин Зильбер. – Скорее всего, ты хочешь чего-то другого...

– Может быть, – задумался мальчик.

– В таком случае ты испытал бы жестокое разочарование, мой дорогой Муг. Ты, разумеется, не полетел бы – ты камнем рухнул бы вниз и поломал бы ноги. С колдовством так просто не сладишь, иначе ведь и наша школа была бы не нужна, как и Университет волшебства. Но, возможно, я ошибаюсь и ты совершенно уверен в себе и всё-таки хочешь попробовать?

– Что-то расхотелось, – пробормотал Муг и снова уселся за парту. – Это гораздо труднее, чем я предполагал.

– Хорошо, что ты понимаешь это. – Господин Зильбер снова поправил очки. – Занятия на сегодня окончены. До свидания, встретимся завтра.

Я отправился домой вместе с Мугом и Мали. Оба были задумчивы, и беспокоить их разговорами мне не хотелось.

В последующие три недели я был занят другими делами. Министр басен и сказок отправился с ежегодной проверкой по Стране желаний и пригласил меня с собой. Во время поездки мне довелось увидеть массу интересного. Впрочем, это уже совсем другая история, так что рассказывать её сейчас мы не будем. Возвратившись, я, естественно, сразу же поспешил в Школу волшебства, чтобы узнать, чему дети – и прежде всего мои друзья Муг и Мали – успели научиться, пока я отсутствовал.

Класс как раз старательно выполнял первое задание. Оно заключалось в том, чтобы заставить двигаться различные предметы, не касаясь их, а используя только силу желания. Муг положил перед собой спичку, а Мали – пёрышко; другие дети выбрали швейные иглы, карандаши и зубочистки.

Господин Зильбер вновь и вновь показывал ученикам, как это делается, заставляя, например, свой цилиндр долететь до вешалки и вернуться обратно или принуждая кусочек мела рисовать на доске.

Дети очень старались, лица их покраснелись от напряжения, однако у них пока ничего не получалось.

– Наверное, вы не можете установить контакт с предметами, которые выбрали, – предположил учитель. – Возьмите что-нибудь другое.

Теперь дети пытались укротить ластики, шапки и перочинные ножки. Мали гипнотизировала взглядом теннисный мячик, а Муг мысленно заставлял маленькую лейку полить цветы на окне. Но, увы, безрезультатно.

– Вы должны отчётливо представить себе, – терпеливо объяснял господин Зильбер, – что эти вещи принадлежат вам так же, как, к примеру, руки или ноги. Вы двигаете ими, даже не задумываясь, – просто потому, что они являются частью вас. Вы должны вживаться в предмет до тех пор, пока не почувствуете его изнутри, как если бы он был вашим пальцем или носом. Ну а теперь действуйте, это ведь совсем просто!

И словно бы в подтверждение своих слов он отправил летать по комнате тетрадку, которая теперь напоминала крупную бабочку. Она сделала круг над головой Муга, страницами-крылышками пару раз легонько шлёпнула его и затем упорхнула обратно к господину Зильберу. В этот момент лейка внезапно подпрыгнула вверх, но не полетела к цветочному горшку, а, зависнув над господином Зильбером, накричалась и выплеснула ему на голову всю воду, после чего с дребезжанием брякнулась на пол.

– Ой! – испуганно пробормотал Муг. – Извините, пожалуйста, господин учитель, я этого вовсе не хотел...

Класс дружно рассмеялся. Господин Зильбер вытер лицо большим носовым платком в крупную клетку и усмехнулся.

– Естественно, ты этого хотел, мой дорогой Муг, иначе ничего бы не произошло. Только ты не догадывался, что именно это было твоим сокровенным желанием. За меня не тревожься, я ведь не сахарный, не растаю, более того, я очень рад, что тебе наконец-то удался этот опыт. Теперь вы все видите, что сосредоточенность и внимательность никогда не бывают лишними, когда дело касается волшебства.

Не знаю, чем это объяснить, однако вслед за Мугом и остальные дети поняли, что им нужно делать. И в скором времени по классу кружили всевозможные предметы.

А спустя неделю я убедился, что уже все ученики могли лёгким мановением руки или просто взглядом перемещать в пространстве всякую мелочь вроде карандаша или мячика для пинг-понга, двигать столы и стулья и даже заставить шкаф висеть под потолком, поскольку вес предмета, как они мне растолковали, не имеет абсолютно никакого значения.

Муг и Мали теперь часто пользовались своими способностями на радость родителям, упражняясь – так сказать, в качестве домашнего задания – в том, чтобы силой желания сервировать стол и после обеда убирать посуду. Ножи, вилки, ложки и тарелки как бы сами собой стройными шеренгами

маршировали в столовую или удалялись обратно на кухню, чтобы тут же самостоятельно вымыться и вытереться досуха. Родители, естественно, очень гордились своими талантливыми близнецами.

Вторая тема была уже гораздо сложнее, и некоторым детям понадобился целый месяц, прежде чем у них начало что-то получаться. Задание состояло в том, чтобы заставить появиться предметы, которых нет перед глазами, то есть те, которые находятся где-то далеко.

Господин Зильбер принёс с собой магнит и маленький пакетик железных опилок. Он осторожно высыпал их на лист бумаги.

– Сейчас вы видите просто горку опилок. Здесь нет никакого порядка. А теперь смотрите!

С этими словами учитель подвёл магнит под бумагу, и опилки тотчас же образовали узор из расходящихся, словно по воде, кругов.

– До сих пор предмет, который вы учились перемещать, – объяснил он, – играл роль магнита, придававшего вашему желанию определённое направление. Но теперь, когда предмет находится далеко, вам придётся действовать иначе.

В чём же заключался фокус? Требовалось представить себе нужную вещь так, словно вы видели её собственными глазами. При этом нельзя было ни отвлекаться на что-то постороннее, ни думать о чем-нибудь ещё. Любая мелочь была

важна, иначе волшебство не удавалось. Или могла произойти история наподобие той, что вышла с Мали, когда во время урока у неё не на шутку разыгрался аппетит и вместо сандалий, которые девочка, собственно говоря, собиралась наколдовать, к её подошвам прилипли бутерброды.

Сперва дети должны были поупражняться с хорошо знакомыми им предметами, например с гребешком, ремнём или шапкой. Для начала они оставляли эти вещи в соседней комнате, затем на школьном дворе, а потом стали уносить их всё дальше и дальше. Вернувшись в класс, ученики изо всех сил желали, чтобы та или иная вещь появилась перед ними.

Когда каждый ребёнок благополучно справился с заданием, господин Зильбер попросил всех в классе пожелать, чтобы появилось нечто такое, о чём они прежде не знали и о местонахождении чего даже не догадывались. На этот раз ученикам предлагалось воспользоваться картинкой или, что было ещё труднее, только словесным описанием. Речь тут, к примеру, могла идти о каком-нибудь экзотическом цветке, который рос на одинокой горной вершине, или о камне, что лежал на дне океана, или, наконец, о драгоценном перстне, спрятанном на необитаемом острове, где ищут клады. Но самым сложным в этом задании было вернуть предмет туда, откуда он был взят, – при помощи того же желания. Этот момент господин Зильбер, обычно снисходительный и добродушный, строго подчеркнул. Небрежность, по его словам, здесь была абсолютно недопустима.

– Только бездарности и нечистые на руку людишки, – повторял он снова и снова, – берут то, в чём на самом деле не нуждаются, приводя тем самым мир в беспорядок.

Кто нарушает это правило, утверждал учитель, тому никогда не продвинуться в науке волшебства, и посему он подлежит отстранению от занятий. Этого, естественно, никто из детей не хотел, поэтому все они старались в точности соблюдать установленные правила.

Как уже говорилось, во время уроков ученики могли покидать школу, и частенько они уходили довольно далеко. Я иногда сопровождал их в этих вылазках, благодаря чему познакомился с прелестнейшими уголками Страны желаний. Однако у меня были и другие дела, поэтому я не могу с уверенностью подтвердить, что детям всегда удавалось возвращать вызванные предметы на место. Но поскольку господин Зильбер, похоже, был доволен ходом занятий, я полагаю, что именно так оно и было.

Между тем в Стране желаний наступила осень, подул ураганный ветер, и почти каждый день шли дожди. Склонный к простудам, я предпочитал оставаться дома. Кроме того, директор Королевской библиотеки попросил меня составить каталог, где были бы описаны сокровенные мечты обитателей Повседневного мира. И, хотя эта унылая работа была мне не очень-то по сердцу, я, будучи гостем, отказаться не мог. Таким образом, все новости я узнавал из рассказов Му-

га и Мали – они каждый вечер заходили ко мне и сообщали о своих успехах в Школе волшебства.

Господин Зильбер приступил к следующей теме – превращение одного предмета в другой. Насколько я понял из объяснений своих юных друзей, суть задачи заключалась в том, чтобы построить между этими предметами так называемый «волшебный мост». Проще говоря, между ними необходимо было установить родство и силой желания осуществить превращение.

В случае с яблоком, которое, например, может стать мячом, вопрос решается сравнительно просто. Любой человек тотчас же видит, что оба предмета имеют форму шара – их сходство лежит, так сказать, на поверхности. Гораздо сложнее превратить в яблоко вилку. Здесь следовало рассуждать так: вилка всегда остаётся вилкой, не важно, большая она или маленькая. Если вилка большая, то опять-таки всё равно, изготовлена она из железа или из дерева. Деревянные вилки любого размера имеют прародительницей ветку дерева, можно даже сказать, что само дерево и есть не что иное, как огромная вилка с множеством зубцов. Разумеется, это умозаключение относится и к яблоне. Её плод, одно какое-нибудь яблоко, лишь кажется частью дерева, но на самом деле в каждом его семечке содержится целая яблоня. Следовательно, можно смело утверждать, что яблоко – это вилка. А коль скоро это утверждение верно, то верно и обратное: вилка – это яблоко. И если придать нужное направление си-

ле желания, выстроенный «мост» поможет превратить одно в другое.

Конечно, приведённый пример тоже довольно прост, ты быстро переходишь от одного предмета к другому. Однако существуют гораздо более сложные взаимосвязи, для которых требуется двадцать, пятьдесят, а иногда и больше сот-

ни промежуточных элементов. Мугу и Мали нередко приходилось целый день ломать голову, прежде чем справиться с иными заданиями. Кто не верит, пусть как-нибудь сам попытается выстроить «волшебный мост» между швейной машинкой и аквариумом с золотыми рыбками, между кокосовым орехом и баяном или между домашними тапочками и солнцезащитными очками.

– И знаешь, что здесь самое поразительное? – с огромным воодушевлением сказала мне однажды вечером Мали. – То, что во всей Стране желаний, да, пожалуй, и на всём белом свете, не найдёшь двух предметов, между которыми нельзя установить родство. Всё таинственным образом связано между собой незримой нитью, и поэтому можно действительно превращать всё во всё. Если, конечно, умеешь, я имею в виду.

– Безусловно, – добавил Муг и при этом сделал умную физиономию. – Потому что всё в мире едино. Так, во всяком случае, говорит господин Зильбер.

Я долго потом размышлял на эту тему, но, честно говоря, и по сей день не пришёл к какому-то решению.

С четвёртой темой все дети, по-видимому, справились довольно быстро – на этот раз они учились применять азы волшебства к самим себе. Когда приблизительно через неделю я мимоходом заглянул в школу, ученики занимались тем, что перемещали себя в пространстве со скоростью мысли. Прав-

да, во время одного из таких путешествий мой приятель Муг попал в переплёт.

Дело в том, что при выполнении этого упражнения необходимо точно, во всех деталях, представить то место, куда ты собираешься переместиться. Муг выбрал любимую опушку леса, однако забыл представить себе одно из стоявших там деревьев. И когда он по своему желанию перенёсся туда, то с такой силой стукнулся о ствол, что у него искры из глаз посыпались и он без чувств рухнул на землю. Прошло немало времени, прежде чем юный волшебник смог вернуться обратно и господин Зильбер уже начал серьёзно беспокоиться из-за его долгого отсутствия. Когда же мы наконец снова увидели Муга, вид у него был плачевный: большущая шишка на лбу и синяк под глазом. Следы неудачного перемещения напоминали о себе в течение двух недель, хотя матушка тотчас же сделала ему компресс из целебных трав. Но, как говорится, нет худа без добра. Это происшествие послужило мальчугану хорошим уроком, да и остальные дети стали добросовестнее относиться к учёбе.

Отработав перемещение в пространстве, класс приступил к освоению следующей премудрости. Так же, как раньше, ребяташки учились поднимать в воздух предметы, теперь они учились поднимать в воздух самих себя, то есть летать. Но летать — это вовсе не то же самое, что в мгновение ока оказаться где-нибудь в другом месте. Во время взлёта нужно было дышать в определённом ритме, затем на секунду следо-

вало задержать дыхание, приподнять локти и несколькими «взмахами крыльев» медленно оторваться от земли. Поднявшись достаточно высоко, можно было раскинуть руки в стороны и осторожными движениями ладоней управлять полётом. Это упражнение требовало известной сноровки, и поначалу дети беспорядочно кувыркались в воздухе, поскольку не приобрели ещё необходимой плавности и взлетали слишком порывисто. Поэтому сначала они упражнялись в классной комнате, пока не научились уверенно парить под потолком, ни обо что не ударяясь и ни на что не натываясь. И лишь когда с этим заданием справились все, занятия переместились на улицу. Летать под открытым небом оказалось не в пример сложнее, поскольку, как уже говорилось, приближалась зима и погода стояла ненастная. Малейшего порыва ветра было достаточно, чтобы сбить ученика с курса и отнести бог знает куда, ведь ухватиться ему было не за что. Но детям, похоже, это как раз и нравилось больше всего. Они визжали от восторга, когда их начинало кружить вверх и вниз, точно на невидимых аттракционах. Господин Зильбер, естественно, летавший вместе со всеми, тщетно призывал учеников к спокойствию и порядку. И, только когда несколько сорванцов что есть силы столкнулись лбами, а другие, зацепившись, повисли на верхушке дерева, все взяли себя в руки и впредь упражнялись серьёзно.

Моё пребывание в Стране желаний мало-помалу прибли-

жалось к концу. Однажды вечером ко мне в гости пожаловал господин Зильбер собственной персоной. Такого прежде не случалось, и я предположил, что у него возникли веские основания для визита. По его просьбе мы прошли в мою комнату, чтобы переговорить с глазу на глаз.

– Скоро вы возвращаетесь в Повседневный мир, – начал он, – и, я полагаю, сделаете там сообщение о нашей школе...

– Разумеется, – ответил я. – Кое-какие заметки я уже набросал.

– Ну да, конечно, – кивнул господин Зильбер, – ведь именно с этой целью вы и приехали в Страну желаний. И пока вы здесь, мы будем рады видеть вас у себя, мой друг. Однако мне хотелось бы попросить вас об одном одолжении.

– В чём оно заключается? – любопытно спросил я.

– Посещая нашу школу, вы можете описывать всё, что ученики постигают, однако избегайте, пожалуйста, любого намёка на то, как они это делают.

– И почему же, позвольте? – удивился я. – Ведь именно это моих читателей наверняка и заинтересует.

– Видите ли, почтеннейший, – задумчиво произнёс господин Зильбер, – никогда нельзя знать наперёд, в чьи руки попадут ваши заметки. Дело в том, что я всегда лично присутствую на занятиях и внимательно слежу за тем, чтобы с детьми ненароком не случилось какого-нибудь несчастья. Но не исключено, что среди ваших читателей окажутся безответственные, легкомысленные или, если угодно, слабохарак-

терные люди, которые не устоят перед искушением самостоятельно исполнить тот или иной трюк. А это чревато самыми печальными последствиями – как для самих смельчаков, так и для окружающих.

Я не удержался от улыбки:

– Можете не волноваться, уважаемый маэстро, у нас, в Повседневном мире, ваше волшебство не имеет никакой силы. Более того, львиная доля моих читателей просто не поверит тому, что я здесь увидел.

– И всё же, – продолжал настаивать господин Зильбер, – вы не можете отвечать за всех. Поэтому я и прошу вас выполнить мою маленькую просьбу.

– Ну, если это вас успокоит... – ответил я нерешительно.

– Итак, вы даете мне слово? – переспросил он.

– Хорошо, я обещаю.

Взятое на себя обязательство нужно выполнять, даже если я считаю, что господин Зильбер напрасно беспокоится. Что ж, отныне я буду рассказывать только о том, что изучали дети, но уже ни слова не скажу, как они это делали.

Следующей, пятой, ступенью было умение превращаться в невидимку. В таком состоянии человек мог незаметно ходить повсюду, перемещаться в пространстве и даже летать. Более того, можно было проникать за закрытые двери и проходить сквозь толстые каменные стены, словно те сотканы из тумана. Когда Муг и Мали наконец овладели этим ис-

кусством, они рассказали мне, что у состояния невидимости есть и свои минусы. Например, окружающий мир выглядит так, будто ты смотришь на него сквозь дождевую завесу. Так что, скажем, письмо или книгу почитать уже не удастся – для этого придётся вновь стать видимым. К тому же это состояние вызывало довольно неприятные ощущения во всём теле. А в довершение всего, оно было связано с серьёзной опасностью: если ты, находясь внутри толстой стены или скалы, вдруг случайно делался видимым, то навсегда застревал там.

Слава богу, ни с кем из детей ничего подобного не случилось – об этом позаботился господин Зильбер. Так что обещание, взятое с меня учителем, не было исключительно его прихотью.

И хотя я по-прежнему был уверен в том, что все эти вещи у нас, в Повседневном мире, невозможны, мороз пробежал у меня по коже от одной только мысли, что дело могло принять дурной оборот. Полностью же я уверился в разумности требований господина Зильбера в последнюю неделю своего пребывания в Стране желаний, когда произошёл случай, поставивший под угрозу перевод Муга и Мали в следующий класс. Но лучше рассказать обо всём по порядку.

Шестая и седьмая темы плавно перетекали одна в другую, хотя по сложности они сильно отличались. В обоих случаях речь шла о создании, точнее говоря, о воплощении: в шестой лекции – предметов, а в седьмой, и последней в этом учеб-

ном году, – живых существ. Правда-правда, в Стране желаний ребятишки уже в начальной школе учатся придумывать то, чего никогда и нигде прежде не существовало.

В Повседневном мире дети рисуют карандашами и красками, лепят из глины и пластилина, а Муг и Мали учились силой желания вызывать к жизни образы, которые рождала их фантазия. Как и раньше, нужно было очень точно представлять себе каждую, даже самую маленькую, деталь, словно предмет стоял у тебя перед глазами. Только на сей раз всё создавалось с нуля, без всякого образца.

Большинство детей далеко не сразу справились с этим упражнением – час или два уходило только на то, чтобы сосредоточиться и уплотнить до зримости простейшие образы. Поначалу выдуманым предметам чего-то не хватало: кукле – руки или ноги, курительной трубке – чубука, велосипеду – колёс... Однако за несколько дней Мали так наловчилась, что буквально за четверть часа создала большой бокал, до краёв наполненный вкуснейшим малиновым соком. После этого дела пошли намного быстрее. Через неделю Мугу удалось выколдовать настоящий паровоз – всего за одиннадцать минут! Паровоз въехал в класс, непрерывно гудя, выпуская пар и обволакивая всё и вся дымом, так что ребятишки раскашлялись и чуть не задохнулись, пока мальчик пытался «обратить вспять» своё творение. Если не считать этого недоразумения, было истинным наслаждением наблюдать за фантазиями детей: тут были часы с музыкой и люстры,

коньки и изразцовые печи, рыцарские доспехи и подзорные трубы, ковбойские шляпы и петарды для фейерверков – словом, всё, что душе угодно, и ещё бог знает что!

Седьмая, и последняя, тема, посвящённая созданию живых существ, была намного труднее, и для её освоения требовалось гораздо больше времени. Так, Мали понадобилось целых два дня, чтобы создать чудесную золотую рыбку, которая плавала в большом аквариуме, переливаясь всеми цветами радуги. Девочка была так горда собой, она так полюбила свою рыбку, что ей ужасно не хотелось с ней расставаться. Но господин Зильбер объяснил детям, что всё ими созданное нужно непременно расколдовывать обратно – особенно когда дело касалось живых существ. Ведь стоит только такому существу обрести самостоятельность, как оно тут же начинает вмешиваться в жизнь своего создателя. Сохранить творение можно лишь в том случае, если в этом имеется настоящая необходимость и все последствия просчитаны заранее. И Мали скрепя сердце заставила рыбку исчезнуть.

– Запомните, каждое создание меняет своего создателя, – не уставал повторять учитель.

Впрочем, дети, похоже, не придавали этим словам большого значения, однако вслух своё мнение не высказывали и послушно подчинялись указаниям господина Зильбера.

Муг и Мали устроили своеобразное состязание, нороя превзойти друг друга в выдумках. В течение последующих дней девочка выколдовала райскую птицу неземной

красоты, которая умела насвистывать государственный гимн Страны желаний, а мальчик – маленького зверька, похожего на пони с шелковистой светло-фиолетовой гривой, который отбивал время ударами переднего копытца. Вслед за этим Мали изобрела гриб, который играл на трубе, прыгая с места на место, а Муг – двухголового человечка, который беспрестанно бранился с самим собой и протестовал против собственного существования, пока не был опять отколдован туда, откуда явился. В завершение Мали сотворила марионетку почти с себя ростом, которая умела выделять всякие балетные па. Узнав, что ей предстоит исчезнуть, кукла начала душераздирающе рыдать. Муг в это же самое время придумал механического кобольда, который упорно настаивал на том, что он-де и есть настоящий Муг, и даже грозился расколдовать самого Муга, если тот и далее будет ему перечить. Муг, естественно, поспешил избавиться от наглеца.

А потом настал тот злополучный день перед моим отъездом из Страны желаний. К тому времени зима уже полностью вступила в свои права, укутав волшебный край толстым снежным покрывалом. Чтобы на прощание полюбоваться красотами здешней природы, я отправился прокатиться на лыжах. Пройдя вдоль берега скованной льдом реки, я направился к лесу, но, спускаясь с холма, неудачно упал и вывихнул щиколотку. Нога страшно заныла, и с каждой попыткой опереться на неё боль только усиливалась. Мне стало ясно,

что без посторонней помощи мне отсюда не выбраться. Я начал громко звать на помощь, кричал изо всех сил, но вокруг простирались только уснувшие поля и леса и слышать меня было некому.

День уже начал клониться к вечеру, опустились сумерки, и крепчающий мороз пробирал меня до костей. Усталость глухой тяжестью навалилась на меня, но я старался изо всех сил превозмочь её, поскольку знал: уснуть означало погибнуть.

Я посмотрел на небо, которое уже затягивалось стремительно темнеющей розово-красной пеленой, и вдруг увидел две крошечные фигурки, которые кругами летали высоко над лесом, словно выискивая кого-то. Я замахал руками и закричал что было мочи; наконец те, наверху, заметили меня, быстро подлетели поближе и приземлились рядом со мной. Это оказались мои друзья Муг и Мали. Охотно признаю, что редко когда в жизни я столь бурно радовался обществу детей, как в ту минуту.

Я в двух словах обрисовал ситуацию, а близнецы сообщили, что именно так и подумали, поэтому и кинулись меня искать.

– Если хочешь, – предложили они, – мы тотчас же перенесём тебя домой.

– А как? – поинтересовался я.

– Да по воздуху – так же, как мы появились. Вдвоём мы с этим легко справимся.

Я часто испытываю головокружение, и от одной мысли, что придётся лететь высоко над землёй, доверившись слабым детским рукам, меня, несмотря на лютую стужу, прошиб пот.

— А нет ли, случаем, какой-нибудь другой возможности? — слабым голосом осведомился я.

— Разумеется, есть, — промолвила Мали после короткого размышления. — Я выколдую для тебя какое-нибудь животное, на котором можно ехать верхом.

— Предоставь это мне, — сказал Муг, — у меня выйдет лучше.

— Почему это? — возмутилась Мали. — И что значит лучше?

— Тебе потребуется целая вечность, — ответил Муг, — вот что это значит.

— Не хочешь ли ты сказать, что справишься с этим быстрее?

— Конечно, дорогая сестрёнка.

— Да ты и сам в это не веришь!

— Очень даже верю!

— Ты просто хвастаешься!

— Сама нос задираешь!

Близнецы принялись обмениваться колкостями, и, насколько я знал их, продолжаться это могло довольно долго. Между тем нога у меня нестерпимо болела.

— Послушайте, — простонал я, — а не могли бы вы наколдовать что-нибудь вместе? — (Ох, лучше бы я этого не говорил!)

Они прекратили спорить и с изумлением уставились на

меня.

– А ведь действительно неплохая идея, – согласился Муг.

– Только вот получится ли у нас? – усомнилась Мали. –

Ведь раньше мы ничего вместе не выдумывали...

– Может быть, вдвоём у вас получится быстрее...

– Ладно, попробуем.

Дети закрыли глаза, чтобы сосредоточиться.

– Пусть это будет лошадь, – пробормотала Мали.

– Да, но очень большая и сильная, – вставил Муг, – чтобы мы могли уместиться втроём.

– Может, придумаем ей крылья или что-нибудь в этом роде? – предложила Мали. – Тогда скорость была бы больше.

– Хорошо, а какой масти?

– Тёмной!

– Нет, светлой!

– Не важно, главное, чтобы летела как ветер!

– Ну что, готова? – спросил Муг.

– Не совсем...

– Поторопись же, копуша!

– Вот теперь готова.

– Тогда начали!

На несколько минут воцарилась полная тишина, дети сидели на снегу рядом со мной, зажмурившись и сжав кулаки. Было видно, что они сильно сосредоточены. Внезапно раздался ужасный грохот, а затем такой пронзительный и в то же время грозный вопль, что мы все вздрогнули. Муг и Ма-

ли вытаращили глаза, а я с трудом обернулся в сторону звука. Буквально в нескольких метрах от нас стояло некое существо – отродясь я не видел ничего более странного.

Чудище и вправду имело исполинские размеры, напоминающая разом слона и бегемота. А из-за шерсти в чёрно-белую клетку оно походило на объёмную шахматную доску. Гриву и хвост мои друзья в спешке позабыли приделать. Зрачков в глазах тоже не было видно, и казалось, что на четырёхугольной морде как будто горели два прожектора, два огненных шара. Одно ухо торчало вверх, на месте другого зияла огромная дыра. К спине этого горе-творения прилепилась пара смехотворно малюсеньких крылышек, да и те были перепончатыми, как у мухи или стрекозы. Монстр перебирал толстыми, словно колонны, ногами и вставал на дыбы. И тогда было видно, что шкура, словно тесное пальто, застёгнута у него на животе на пуговицы. Время от времени «слонопотам» дико фыркал, при этом из его ноздрей размером с хорошее ведро вырывался сноп коричнево-красного пламени. Затем он издал вопль – ржанием это никак назвать было нельзя – и широко разинул пасть. В ней не оказалось ни зубов, ни языка.

– Это твоя вина, – прошептала Мали.

– Или твоя, – сердито парировал Муг. – Но сейчас уже всё равно. Важно, что мы доберёмся на нём до дому.

– Каким образом? – спросил я, стуча зубами. – Вы думаете, что я сяду на это страшилище?!

– К сожалению, придётся, – сказала Мали. – У нас нет

выбора, и это, в конце концов, лучше, чем совсем ничего.

– Соберитесь с духом, – подбадривал меня Муг. – Будьте мужественным, дружище.

Однако дело приняло иной оборот. Едва Муг приблизился к монстру, собираясь на него взобраться, как тот резко отпрянул в сторону и стукнул оземь передними ногами. И хотя копыт у него не было, показалось, что по земле со свистом ахнули два паровых молота.

Муг перепугался, однако нашёл в себе силы не подать виду.

– Ах ты каналья разэтакая, прекрати немедленно! – строго прикрикнул он на животное, однако голос у него дрожал. – Если не будешь делать то, ради чего мы тебя придумали, ты у нас мигом испаришься!

Услышав такое, чудище замычало, одновременно жутко и жалобно, и бросилось наутёк, так что снег за ним взвился столбом. На бегу оно вновь и вновь отчаянно пыталось взлететь при помощи своих маленьких крылышек, однако все попытки кончались бесполезными и комичными прыжками. Ещё какое-то время из леса, через который монстр прокладывал себе путь, доносился хруст валежника и треск ломаемых веток, потом всё стихло.

– Вернись! – в один голос закричали Муг и Мали. – Немедленно вернись обратно!

Но всё было тщетно. Неудачное порождение их фантазии, похоже, послушанием не отличалось. Они сотворили чудо-

вище и утратили над ним власть.

Муг и Мали обменялись долгими, полными тревоги взглядами.

– Что теперь скажет господин Зильбер? – пробормотал мальчик.

А девочка только тяжело вздохнула.

Честно признаться, сейчас я точно и не припомню, как в тот вечер добрался до своего пристанища. Я сильно замёрз и почти ничего не понимал. Думаю, что, несмотря на мои возражения, близнецы всё-таки полетели со мной по воздуху – память сохранила несколько отрывочных картин, например как я на головокружительной высоте болтаюсь над заснеженными полями, вокруг ярко сияют звёзды и кто-то цепко держит меня за воротник.

После этого у меня, помнится, несколько дней держалась высокая температура, а нога была как деревянная. Когда опасность миновала, я очнулся в своей постели уже в Повседневном мире. Очевидно, меня каким-то образом переправили домой из Страны желаний.

Первым делом я уселся за стол и написал письмо господину Зильберу, в котором, не жалея красок, рассказал, как всё произошло. Меня мучили угрызения совести – я чувствовал ответственность за случившееся, ведь мои друзья натворили бед из-за меня. Поэтому я вздохнул с облегчением, когда две недели спустя получил от учителя ответ. В нём сообщалось, что недоразумение за время моей болезни бла-

гополучно улажено. Правда, перевод Муга и Мали в следующий класс некоторое время стоял под вопросом. Однако, принимая во внимание особые обстоятельства этой истории и учитывая незаурядные способности детей, было решено их не наказывать. Неудачный же продукт их совместного колдовства учитель самолично разыскал и при активном содействии обоих учеников навсегда удалил из мира. Это ведь и для достойной сожаления твари было лучше. Благодаря этому испытанию Муг и Мали заметно повзрослели. Теперь же они передавали мне сердечный привет.

На сей приятной ноте я и хочу завершить свое повествование. Все события, как я говорил вначале, произошли много лет тому назад, и оба моих юных друга уже постигают науку волшебства в университете. А во избежание каких-либо недоразумений добавлю, что сам я во время путешествия колдовать не научился – даже чуть-чуть, клянусь авторучкой! Но я ведь и не родился в Стране желаний.

Транквилла Неуклюжевна, или Сказка о черепахе, которая приняла твёрдое решение

Одним чудесным утром черепаха Транквилла Неуклюжевна грелась на солнышке возле своей уютной хижины и благодушно жевала лист подорожника.

Над её головой, в ветвях древней маслины, сидела голубка Зулейка Среброгрудовна и чистила пёрышки, переливающиеся всеми цветами радуги. Тут прилетел голубь Соломон Среброгрудович, несколько раз поклонился ей и воскликнул:

– О Зулейка, отрада моего сердца, ты уже слышала новость? Великий султан Лев Двадцать Восьмой празднует свою свадьбу. Полетим вместе к его пещере, о свет моих очей!

– О господин мой и повелитель, – проворковала голубка, – разве нас пригласили на свадьбу?

– Не беспокойся об этом, о звезда моей жизни, – ответил Соломон Среброгрудович. – Все звери и птицы, большие и

маленькие, старые и молодые, толстые и худые, мокрые и сухие, приглашены туда, а стало быть, и мы с тобой. Несомненно, это будет самое пышное торжество, какое когда-либо отмечалось. Однако нам нужно поторопиться, потому что путь к пещере султана не близок, а свадьба уже скоро.

Зулейка кивнула в знак согласия, и пара голубков взмыла в небо.

Черепаша Транквилла Неуклюжевна, которая слышала весь разговор, задумалась так глубоко, что даже позабыла о своём завтраке.

«Коли все звери и птицы, большие и маленькие, старые и молодые, толстые и худые, мокрые и сухие, приглашены на свадьбу, – размышляла Транквилла, – то и я, пожалуй, туда отправлюсь. Почему бы мне не погулять на самом замечательном празднике, который когда-либо устраивался?»

Продумав весь день, а потом и всю ночь, она приняла твёрдое решение добраться до пещеры султана. И едва только из-за горизонта показались первые лучи солнца, она тронулась в путь, шаг за шагом, медленно, но верно.

К вечеру она доползла до куста терновника. Там, в самой середине роскошной паутины, жила паучиха Фатима Нитеплетовна.

– Эй, Транквилла Неуклюжевна, – крикнула, заведя её, паучиха, – куда это ты так спешишь, если не секрет?

– Добрый вечер, Фатима Нитеплетовна! – ответила черепаха и остановилась, чтобы немного отдышаться. – Знаешь

ли ты, что наш великий султан Лев Двадцать Восьмой пригласил всех зверей и птиц к себе на свадьбу? Вот туда-то я и направляюсь.

Фатима Нитеплетовна всплеснула длинными передними лапками и так расхохоталась, что её паутина начала раскачиваться во все стороны.

– Ах, Транквилла, Транквилла! – воскликнула она, успокоившись. – Ты – медлительнейшая из медлительных, как же ты одолеешь такой путь?

– Шаг за шагом, потихонечку-помаленечку, – объяснила черепаха.

– А подумала ли ты о том, – продолжала Фатима Нитеплетовна, – что свадьбу сыграют уже через две недели?

Транквилла оглядела свои короткие плотные ножки и твёрдо ответила:

– Уж я как-нибудь поспею вовремя.

– Транквилла! – участливо промолвила паучиха. – Транквилла Неуклюжевна! Даже мне эта дорога показалась бы дальней, а ведь у меня не только ноги попроворнее – их у меня вдвое больше, чем у тебя. Будь благоразумна! Оставь эту затею да возвращайся домой!

– Ничего, к сожалению, не получится, – дружелюбно ответила черепаха, – я приняла твёрдое решение.

– Кто не слушает доброго совета, тому не поможет! – бросила раздражённо паучиха и принялась нервно вязать свою сеть.

– Что верно, то верно, – согласилась Транквилла. – Стало быть, до свидания, Фатима Нитеплетовна.

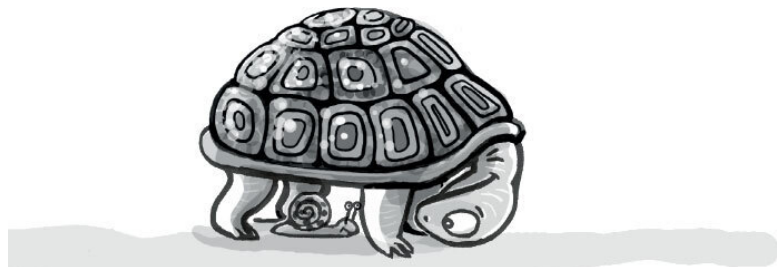
И с этими словами она, тяжело ступая, двинулась вперёд. Паучиха злобно хихикнула и прошипела ей вслед:

– Только не беги слишком быстро, а то, не ровён час, придёшь ещё слишком рано!

Путешествие Транквиллы Неуклюжевы меж тем продолжалось. Она ползла по камням и корягам, песками и перелесками, ночью и днём.

Продвигаясь однажды мимо небольшого пруда, она остановилась, чтобы испить водицы. Неподалёку на плюще сидела улитка Шахерезада Горюновна и внимательно смотрела на черепаху своими выпуклыми глазками.

– Добрый день! – приветливо поздоровалась Транквилла.

Понадобилось довольно много времени, пока улитка собралась с мыслями и смогла наконец ответить.

– Бо-оже ж ты-ы мо-ой! – бесконечно медленно протянула она хнычущим голосом. – Ну и быстро же ты бегаешь! Просто голова идёт кругом.

– Я тороплюсь на свадьбу нашего великого султана Льва Двадцать Восьмого, – объяснила Транквилла.

На сей раз Шахерезаде понадобилось ещё больше времени, чтобы привести свои липкие мысли в порядок, после чего она с трудом выдавила из себя:

– Како-ой у-ужас! Да ведь ты шла совсем в другую сторону. – Она беспорядочно повела усиками, пытаясь указать верное направление: – Туда-не-сюда-оттуда-я-думаю-сюда-да!.. Здесь-не-тут-сюда-ко-мне-потом-на-север-там-тут-ты-там... – И она замолчала, безнадежно запутавшись в своём маловразумительном объяснении.

– Ничего страшного, – сказала Транквилла, – теперь я, во всяком случае, знаю, что выбрала неверный путь. Так куда, говоришь, мне надо идти?

Улитка пришла в такое замешательство, что, сморщившись, исчезла в своём домике и появилась только спустя добрых полчаса.

Транквилла терпеливо ждала, пока Шахерезада опять обретёт дар речи.

– Бо-оже ж ты-ы мо-ой! – сокрушалась улитка. – Вот незадача-то! Тебе следовало идти на юг, а не на север.

– Благодарю за подсказку. – И Транквилла, тяжело ступая, развернулась в обратную сторону.

– Но ведь праздник-то уже послезавтра! – плаксиво воскликнула улитка.

– Уж поверь, я буду там вовремя, – промолвила Транквилла.

– Вряд ли, – вздохнула улитка и уныло посмотрела на черепаху. – Вот если бы ты с самого начала пошла в нужную сторону, тогда, быть может, ещё успела. А теперь нет никакой надежды. Всё впустую. Како-ой у-ужас!

– Ты можешь сесть ко мне на панцирь, если хочешь отправиться вместе со мной, – предложила Транквилла.

Шахерезада обречённо опустила выпуклые глазки.

– Зачем? Теперь уже поздно, слишком поздно... Мы ни за что не успеем.

– И всё же стоит попытаться, – сказала Транквилла. – Шаг за шагом, потихонечку-помаленечку.

– Мне так грустно, – захныкала улитка, – останься со мной и утешь меня!

– К сожалению, не могу, – дружелюбно ответила Транквилла, – ведь я приняла твёрдое решение.

И с этими словами она продолжила путь, на сей раз в обратном направлении.

Шахерезада Горюновна ещё долго-долго смотрела ей вслед глазами, полными слёз, и беспрестанно шевелила усиками, словно бормоча заклинания.

И снова день за днём брела черепаху, теперь уже в другую сторону, по камням и корягам, песками и перелесками, но-

чью и днём.

Наконец повстречался ей ящер Захариас Манернолапкович. Он лежал на тёплом камне и дремал. Его богатый изумрудно-зелёный чешуйчатый наряд так и переливался на солнце. Когда черепаха приблизилась к нему, ящер открыл один глаз, прищурился и сонно, но деловито поинтересовался:

– Стой! Ты кто такая? Откуда идёшь? Куда путь держишь?

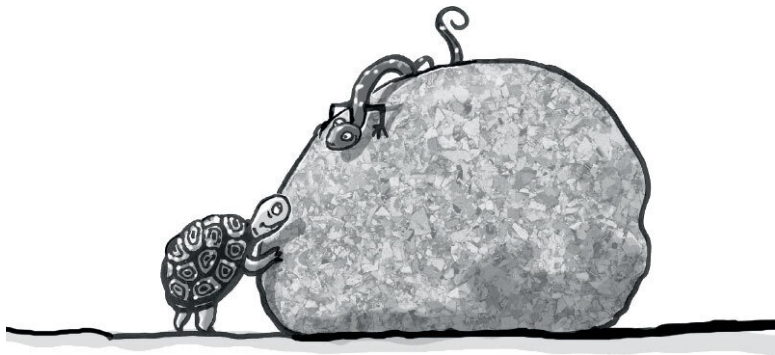
– Меня зовут Транквилла Неуклюжевна, – ответила черепаха, – иду я от древней маслины к пещере нашего великого султана.

Захариас Манернолапкович широко зевнул.

– Ах так... И зачем же ты туда направляешься?

– Я спешу на свадьбу нашего великого султана Льва Двадцать Восьмого, поскольку он пригласил на неё всех зверей и птиц, а стало быть, и меня, – пояснила Транквилла.

Тут Захариас Манернолапкович от удивления открыл второй глаз и надменно посмотрел на черепаху.

– И как же такой жалкий пылесос, – прогнусавил он спустя некоторое время, – собирается туда добраться?

– Шаг за шагом, потихонечку-помаленечку, – привычно повторила Транквилла.

Захариас Манернолапкович опёрся на локти и забарабанил по камню коготками.

– Ну и ну, вот так вот, вразвалочку-вперевалочку, ты собиралась попасть на свадьбу, которую должны были отпраздновать неделю назад?

– А её не отпраздновали неделю назад? – спросила Транквилла.

– Нет, – лениво протянул Захариас Манернолапкович.

– Прекрасно, – обрадовалась Транквилла, – значит, я успею вовремя.

– Сомневаюсь. Как высочайший сановник двора великого султана официально заявляю: торжество откладывается.

Лев Двадцать Восьмой неожиданно выступил войной против тигра Себулона Саблезубовича. Так что ты можешь спокойно возвращаться домой.

– К сожалению, не могу, – ответила Транквилла Неуклюжевна, – ведь я твёрдо решила погулять на свадьбе.

И с этими словами, не обращая больше внимания на ящера, черепаха потопала дальше.

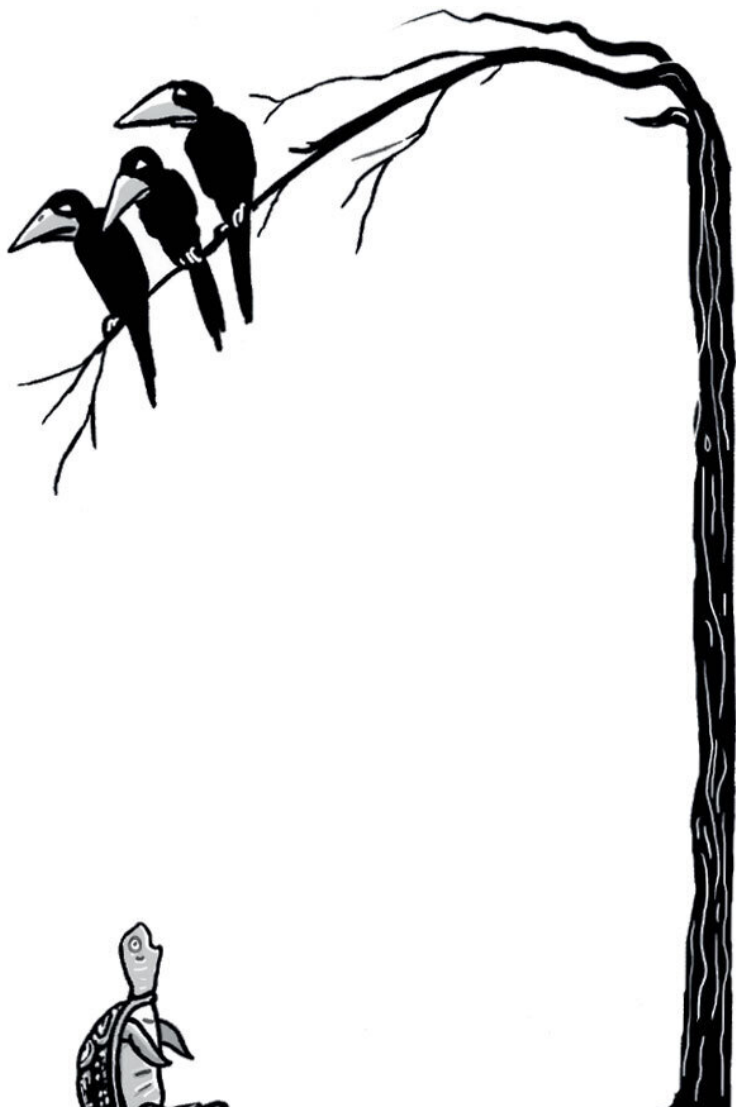
Захариас Манернолапкович, задумавшись, уставился полусонным взглядом в одну точку, бормоча:

– Но ведь это спорный вопрос... безусловно, это спорный вопрос...

И опять несколько дней ползла черепаха по камням и корягам, песками и перелесками, ночью и при свете солнца.

Когда она пересекала каменистую пустыню, ей повстречалась стая воронов. Птицы сидели на ветках сухого дерева, нахохлившись и погрузившись в мрачные думы. Транквилла Неуклюжевна остановилась, чтобы справиться о дороге.

– Апчхи! – каркнул один из воронов, прежде чем она успела открыть рот.

– Будьте здоровы! – приветливо крикнула Транквилла.

– Я не чихнул, – пояснил ворон, – а только представился.

Перед вами мудрец Апчхи Халеф Хабакук.

– Прошу прощения! А меня зовут Транквилла Неуклюжевна, и я всего лишь обыкновенная черепаха. Не могли бы вы, мудрый Хабакук, подсказать мне, как пройти к пещере нашего великого султана Льва Двадцать Восьмого? Я, знаете ли, приглашена к нему на свадьбу.

Вороны обменялись многозначительными взглядами и откашлялись.

– Конечно, я мог бы подсказать тебе дорогу, – проговорил Хабакук и в раздумье почесал когтем голову, – однако проку от этого не будет. Ибо туда, где находится сейчас наш великий султан, не под силу проникнуть даже нам, мудрецам. А уж тебе, бедной, невежественной клуше, и подавно не одолеть этот путь...

– И всё же, шаг за шагом... – промолвила Транквилла.

Вороны опять глубокомысленно переглянулись между собой и откашлялись.

– О неразумное создание! – с важным видом прокаркал Хабакук. – Ты заблуждаешься. То, о чём ты говоришь, относится к делам давно минувших дней. А прошлое никто не догонит.

– И всё же я буду у пещеры вовремя, – твёрдо сказала Транквилла.

– Это невозможно! – ответил Хабакук замогильным голосом. – Разве ты не видишь, что на нас траурные одежды? Несколько дней назад мы похоронили нашего великого султана Льва Двадцать Восьмого. В схватке с тигром Себулоном Саблезубовичем он получил тяжёлую рану, от которой скончался.

– Ах, – горестно вздохнула Транквилла Неуклюжевна, – я искренне сожалею.

– Поэтому возвращайся домой, – продолжал Хабакук, – или оставайся здесь и раздели нашу скорбь.

– Не могу, – дружелюбно ответила Транквилла, – ведь я приняла решение!

И с этими словами она снова пустилась в путь.

Вороны неодобрительно посмотрели ей вслед и, пошушукавшись между собой, прокаркали:

– Что за несговорчивая особа! Неужели она хочет попасть на свадьбу того, кто уже умер?!

Опять несколько дней брела черепаха по камням и корягам, песками и перелесками, ночью и при свете солнца.

И в конце концов она добралась до леса, посреди которого расстился усеянный цветами луг. И на этом лугу собралось множество зверей и птиц, больших и маленьких, старых и молодых, толстых и худых, мокрых и сухих. Всех переполняла радость, все будто чего-то ожидали.

– Ах, скажите, пожалуйста, – обратилась Транквилла Неуклюжевна к малюсенькой обезьянке, которая весело ска-

кала вокруг неё и хлопала в ладоши, — как мне пройти к пещере нашего великого султана?

— Да ты прямо перед ней и стоишь, — заметила обезьянка. — Видишь вход на той стороне лужайки?

— Тогда, — осторожно поинтересовалась Транквилла Неуклюжевна, — это, наверное, и есть свадьба нашего великого султана Льва Двадцать Восьмого?

— Да нет же! — воскликнула обезьянка. — Ты, видно, пришла из дальних краёв! Сегодня справляет свадьбу наш новый великий султан, Лев Двадцать Девятый.

Тут из пещеры появился величественный молодой лев с роскошной, сверкающей точно само солнце гривой. А рядом с ним выступала сказочно красивая львица. И все звери дружно закричали, приветствуя их, а потом начался пир и гостей угощали всякими лакомствами. Песни и пляски продолжались до глубокой ночи. Светлячки озаряли лужайку, на все лады заливались соловьи, и сверчки им аккомпанировали. Одним словом, это был действительно самый замечательный из праздников, которые когда-либо устраивались в лесу. И на самом почётном месте среди гостей сидела Транквилла Неуклюжевна, несколько, правда, утомлённая, но очень счастливая, и повторяла:

— Я всегда говорила, что поспею вовремя.

Маленький лоскутный Петрушка

Жил-был маленький лоскутный Петрушка – его когда-то сшили из разноцветных кусочков ткани и подарили одному мальчугану.

Маленький лоскутный Петрушка всегда был весел и беззаботен. Единственное, к чему он относился очень серьёзно, было его дело.

А что ж это было за дело?

Радость дарить!

Кому?

Мальчугану, конечно!

Однажды наш мальчуган пошёл на прогулку и увидел в одной витрине много-много ярких, красивых игрушек. Там было всё, что душе угодно: заводной петрушка в нарядном трико, который умел дудеть в крошечную медную трубу; маленькие роботы, которые ходили взад-вперёд и кувыркались через голову; нарядные куклы с настоящими волосами – они хлопали глазами и болтали без умолку. А ещё там были автомобили и самолёты.

И мальчуган при виде такого богатства вмиг разлюбил своего маленького лоскутного друга. Новые игрушки показались ему гораздо лучше, они так замечательно умели всё делать!

А что же они умели?

Радость дарить!

Кому?

Мальчугану, конечно!

Маленький лоскутный Петрушка испробовал всё, на что только был способен, изо всех сил стараясь вновь развеселить мальчугана.

Но тот даже не смотрел в его сторону, а слонялся себе из угла в угол и маялся от скуки. И в конце концов схватил своего маленького лоскутного Петрушку и выбросил его за окошко. Бедный лоскутный Петрушка решил, что для него всё кончено раз и навсегда.

С чем же раз и навсегда было покончено?
С тем, чтобы дарить радость!
Кому?
Мальчугану, конечно!

Маленький лоскутный Петрушка беспомощно валялся в сточной канаве, а мимо пробежала собака; она обнюхала его, схватила острыми клыками и унесла с собой. Ведь дома её ждали семеро щенят, которым она и собиралась отдать его поиграть.

Хотя лоскутный Петрушка не мог этому помешать, к щенятам ему ну никак не хотелось.

А чего же ему хотелось?
Радость дарить!
Кому?
Мальчугану, конечно!

Щенята играли с маленьким лоскутным Петрушкой, как и положено играть щенятам: они грызли его острыми зубами, трясли почём зря, подбрасывали в воздух и таскали за нос. Маленький лоскутный Петрушка был так напуган, что напрочь позабыл, зачем он, собственно, родился на свет.

А зачем он родился на свет?
Чтобы радость дарить!
Кому?
Мальчугану, конечно!

Хозяин, которому принадлежало собачье семейство, увидев маленького лоскутного Петрушку, воскликнул:
– Фу, какая замызганная тряпка! Долой её!

И, брезгливо взяв игрушку кончиками пальцев, он выбросил её в мусорный бак.

Здесь и лежал теперь маленький лоскутный Петрушка, такой грязный и жалкий, что никто бы уже и не вспомнил, как он был когда-то хорош.

А для чего он был когда-то хорош?

Чтобы дарить радость!

Кому?

Мальчугану, конечно!

На следующий день мимо мусорного бака проходил старьевщик. Он принялся рыться в баке, разыскивая ветошь и бумагу. Заприметив маленького лоскутного Петрушку, старьевщик вытащил его и кинул в свою тележку.

Он не замышлял ничего дурного, просто он был бедным человеком и ему приходилось зарабатывать на жизнь продажей отслуживших свой срок вещей. Их перемалывали на большой бумажной фабрике и делали потом тонкую белую бумагу.

Правда, спроси он маленького лоскутного Петрушку, хотел бы тот превратиться в тонкую белую бумагу, то совершенно определённо услышал бы в ответ:

– Нет, мне хотелось бы совсем другого!

А чего бы ему хотелось?

Радость дарить!
Кому?
Мальчугану, конечно!

Между тем наш мальчуган сидел дома и чувствовал себя очень одиноко. Он плакал, потому что хотел бы вернуть обратно своего маленького лоскутного Петрушку.

Он уже не думал о нарядном петрушке из витрины, который дудел в трубу, о роботах, которые ходили взад-вперёд, о куклах с настоящими волосами, которые болтали без умолку. Никто из них не умел того, что так славно делал маленький лоскутный Петрушка.

А чего же они не умели?
Радость дарить!
Кому?
Мальчугану, конечно!

Дорога к бумажной фабрике шла мимо дома, в котором жила бабушка мальчугана.

– Не найдётся ли у вас для меня старых тряпок? – спросил старьевщик.

– Да, найдётся, – ответила бабушка, – даже целый мешок. Но взамен я хочу получить вон того маленького лоскутного Петрушку. – Она сразу разглядела его, поскольку в тележке он лежал прямо сверху.

Старьёвщик согласился.

– А сейчас, – сказала бабушка маленькому лоскутному Петрушке, – давай-ка приведём тебя в порядок.

Почему она хотела привести его в порядок?

Чтобы радость доставить!

Кому?

Мальчугану, конечно!

Бабушка мыла, сушила и гладила маленького лоскутного Петрушку до тех пор, пока его разноцветные лоскутки опять весело не заиграли. Покончив с этим, она наложила пару заплат, и Петрушка стал ещё красивее, чем прежде.

– Так, – довольно сказала бабушка, – а теперь я отправлю тебя туда, куда тебе очень нужно попасть.

А почему ему было нужно куда-то попасть?
Чтоб испытать радость!
От встречи с кем?

С мальчуганом, конечно!

И в один прекрасный день почтальон принёс мальчугану огромных размеров посылку, на которой было указано его имя, а в графе «Отправитель» значилось: «Бабушка».

Мальчуган очень разволновался, он даже представить себе не мог, что скрывалось в такой большой коробке. Тсс! Мы тоже не станем ничего говорить раньше времени!

А что же было в этой посылке?

То, что может доставить радость!

Кому?

Мальчугану, конечно!

Распаковав большую коробку, мальчуган увидел внутри другую. А когда была открыта и она, появилась третья. Из неё мальчуган вынул четвёртую коробку, в которой, в свою очередь, скрывалась пятая. А в той была шестая коробка. А в шестой мальчуган обнаружил седьмую, самую маленькую. Вся комната была завалена коробками.

Что же таилось в самой маленькой, седьмой коробке? Ба! Лоскутный Петрушка! И был он как новенький и тотчас же показал всё, что умеет.

А что он умел?

Дарить радость!

Кому?

Мальчугану, конечно!

И что же сделал наш мальчуган? Радостно рассмеялся!

Леночкина тайна

Леночка была необыкновенно вежливой маленькой де-

вочкой – до тех пор, пока её родители проявляли благоразумие и послушно выполняли то, чего она от них требовала.

Но именно этого они, к сожалению, почти никогда и не делали. Если маленькая девочка (полное имя которой было Елена) говорила отцу: «Дай мне пять марок на большое мороженое!», тот отвечал: «Не дам, потому что ты уже три штуки слопала, а слишком много мороженого вредно для твоего горла».

Или, например, когда Леночка очень вежливо обращалась к матери: «Мама, вычисти-ка мне поскорее туфли!», та возражала: «У тебя самой это прекрасно получится, ты ведь уже большая».

Или когда девочка говорила: «Хорошо бы в этом году отдохнуть на море», родители в один голос отвечали: «Давай-ка на сей раз поедem в горы».

И Леночке стало ясно, что дальше так продолжаться не может. Поэтому она решила однажды разыскать фею – добрую или злую, ей было всё равно, главное, чтобы та действительно умела колдовать. Но где в большом современном городе с ходу отыщешь настоящую фею? Это совсем не так просто.

Маленькая девочка обошла множество улиц, с трудом разбирая (поскольку только училась читать) вывески на различных учреждениях и таблички у входных дверей.

Ей попадались и самые обыкновенные, и какие-то странные надписи: «ОТТИСКИ от ОТТО», «ЮЖНЫЕ ФРУК-

ТЫ», «ДАНТИСТ», «ЮРИСТ», «АМФОРА – издательство», «ГИКСЛИ-МИКСЛИ» (или что-то в этом роде), но нигде не было написано: «ФЕЯ». Вместо этого на углу улицы стоял полицейский, оформлявший штраф за парковку автомобиля в неподобающем месте.

Леночка обратилась к нему:

– Позвольте задать вопрос. Где здесь можно найти настоящую фею?

– Кафе? – рассеянно переспросил полицейский, продолжая писать.

– Нет, фею – такую, которая умеет колдовать, – объяснила Леночка.

– Ах вот оно что, – кивнул полицейский, – значит, фею. Погоди-ка минутку.

Он закончил писать, сунул квитанцию за «дворники» на лобовом стекле, извлёк из кармана небольшую книжицу и, бормоча вполголоса, принялся её перелистывать:

– «Ферма»... «Фестиваль»... «Фехтование»... ага, есть! «Фея Франциска Фрагецайхен, консультации по всем жизненным вопросам, любой вид ворожбы, порча и снятие порчи по индивидуальному заказу, приём в любое время. Улица Дождевая, тринадцать, мансарда».

– А где же эта самая Дождевая улица? – поинтересовалась Леночка.

– Отсюда прямо, вторая улица налево, затем под арку, следующая улица направо, потом всё в обратном порядке и три-

жды по кругу, – приветливо объяснил полицейский. – Кроме того, тебе, вероятно, не помешало бы прихватить с собой зонтик.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила его Леночка и пустилась в дорогу.

Следуя указаниям полицейского, она быстро нашла нужную улицу, узнать которую было несложно, потому что на ней и в самом деле безостановочно лил дождь. Леночка, у которой не оказалось при себе зонтика, успела изрядно промокнуть, пока наконец добралась до дома под номером тринадцать.

Следует признать, это был довольно странный дом: в нём была одна только лестница, стоявшая под открытым небом и уходившая ввысь на шесть этажей. Под самой крышей располагалась мансарда, неведь каким образом крепившаяся к этой лестнице.

Леночка поднялась наверх и остановилась перед входной дверью, на которой виднелась латунная табличка со следующей надписью:

«Откуда же, – спросила себя Леночка, – фея знает, что я разыскиваю её? А впрочем, феи знают всё на свете, на то они и феи».

И она, не постучавшись, вошла.

И чуть было не свалилась в воду, так как прямо у порога раскинулось вдаль и вширь огромное небесно-голубого цвета озеро. На горизонте девочка увидела остров. К счастью,

совсем рядом у берега покачивалась на волнах лодочка.

Леночка забралась в неё, и лодочка отчалила, хотя ни вёсел, ни гребцов в ней не было. Лодочка плыла всё быстрее и быстрее, и встречные волны с пенистыми брызгами разлетались надвое, будто по водной глади скользил катер с мотором. Однако мотора здесь тоже не было. Волосы девочки так и развевались на ветру.

Уже через несколько минут волшебная лодочка причалила к острову, и Леночка выпрыгнула на песчаный берег. Тут отмель внезапно превратилась в пол, застеленный ковром, появились стены, потолок... За круглым столиком о трёх ножках сидела женщина с чашечкой кофе в руках.

Впрочем, в комнате было довольно темно, поскольку она освещалась лишь несколькими свечами, вставленными в канделябры, и полной луной, которая, казалось, заглядывала в окно. Часы с кукушкой пробили двенадцать раз, вот только птица, выскакивавшая из домика, оказалась вовсе не кукушкой, а филином, который вместо «ку-ку!» двенадцать раз проухал «у-ху!.. у-ху!..».

– Присаживайся, дитя, – сказала фея, – и рассказывай, что тебя привело ко мне.

– А почему уже так поздно? – спросила Леночка.

– Наступила полночь, – ответила фея. – А Впрочем, здесь всегда полночь. Другого времени просто не существует.

И действительно, на циферблате двенадцать раз повторялась цифра 12.

– Это весьма практично, – объяснила фея, – поскольку по-настоящему колдовать можно лишь в полночь. Ты меня понимаешь?

Леночка нерешительно кивнула, поскольку не совсем понимала, что имеет в виду фея.

– Итак, что же стряслось? – осведомилась Франциска Фрагетайхен.

Леночка тем временем уселась за столик напротив феи и принялась с любопытством разглядывать её.

Женщина, собственно говоря, выглядела совершенно нормально – как любая другая женщина, которую встречаешь на улице. Тем не менее в ней было что-то необычное, только Леночка не сразу догадалась, что именно. Но чуть позднее она поняла: на каждой руке у феи было по шесть пальцев.

– Не придавай этому значения, – сказала Франциска Фрагетайхен, перехватив взгляд Леночки. – У нас, у фей, всегда что-нибудь не так, как у обыкновенных людей. Иначе мы не были бы феями. Ты меня понимаешь?

Леночка снова кивнула и заговорила.

– Речь идёт о моих родителях, – объяснила она причину своего посещения и глубоко вздохнула. – Прямо не знаю, что с ними делать. Они просто ни в какую не хотят меня слушаться...

– Ну надо же, – сочувственно произнесла фея. – Чем же я могу тебе помочь?

– ...потому что они находятся в большинстве, – продолжала Леночка, – всегда вдвоём против меня одной.

– Тут, похоже, ничего не поделать, – задумчиво пробормотала фея.

– А кроме того, они ведь гораздо больше меня, – добавила Леночка.

– С родителями чаще всего так и бывает, – заверила фея.

– Если бы они были меньше меня, – размышляла вслух Леночка, – то численное превосходство, вероятно, не играло бы уже такой роли.

– Без сомнения, – согласилась фея.

– Хотя бы вполовину меньше, чем сейчас, – предложила Леночка.

Франциска Фрагецайхен сложила вместе двенадцать пальцев и, прикрыв глаза, несколько минут обдумывала сказанное. Леночка терпеливо ждала.

– Придумала! – наконец воскликнула фея. – Я дам тебе два кусочка сахара. Они, естественно, заколдованы. Ты тайком положишь их родителям в чашку с чаем или кофе. Это не причинит им никакого вреда. Только, проглотив этот сахар, они каждый раз, как тебя не послушают, будут становиться в два раза меньше. Каждый раз вполовину меньше прежнего. Ты меня понимаешь?

И с этими словами она протянула девочке пару кусочков сахара, которые вынула из особой коробочки. Внешне они выглядели совершенно обычно.

– Большое спасибо, – сказала Леночка. – Сколько они стоят?

– Нисколько, – ответила фея. – Первая консультация всегда проводится бесплатно. Правда, вторая обойдётся ужасно дорого.

– Меня это не пугает, – заверила Леночка, – потому что вторая консультация мне не понадобится. Стало быть, огромное вам спасибо.

– Тогда до свидания, – сказала Франциска Фрагецайхен и загадочно улыбнулась.

Затем раздался хлопок, как будто из бутылки вынули пробку, и Леночка неожиданно очутилась в гостиной у себя дома. Родители были дома и, похоже, даже не заметили, что их дочь какое-то время отсутствовала. Однако Леночка сжимала в руке два кусочка сахара. И они служили подтверждением тому, что всё случившееся ей не приснилось.

Мама только что внесла в гостиную чайник и вернулась на кухню, чтобы забрать тарелку с печеньем. Отец тем временем надевал в спальне домашнюю куртку.

Леночка улучила подходящий момент и подложила оба кусочка сахара в чашки родителей. В какой-то миг она почувствовала угрызение совести, но быстренько с ним справилась.

«Сами виноваты, – подумала она. – К тому же волшебное средство не причинит им никакого вреда, если они не станут перечить мне. А если всё-таки станут, пусть пеняют на себя».

Затем все сели пить чай, но Леночка сказала, что ей хочется не чаю, а лимонаду.

– Ну хорошо, – согласилась мать, – возьми себе бутылку из холодильника.

Пока всё шло гладко. Но потом отец собрался посмотреть по телевизору новости, а Леночка, наоборот, мультик по другому каналу.

– Мне бы очень хотелось узнать, что произошло в мире, – сказал отец и включил «Новости».

Тут же раздалось странное «пффф!», как будто из велосипедной шины выпустили воздух, и отец весь как-то сморщился, внезапно став очень маленьким. Когда он вернулся и сел в кресло, то выглядел как лилипут. Причём одежда не уменьшилась вместе с ним, так что теперь удобная домашняя куртка, брюки, рубашка и галстук висели на нём мешком. До этого рост отца равнялся метру восьмидесяти четырём сантиметрам, а сейчас в нём осталась всего половина, то есть девяносто два сантиметра. Можно вообразить, какое недоумение было написано у него на лице.

– Боже мой, Курт, – испуганно воскликнула мама, – что случилось?

– Понятия не имею, – ответил отец, – чувствую себя не в своей тарелке.

– Ты вдруг стал таким маленьким, Курт, – жалобно сказала мать.

– Правда? – недоверчиво спросил отец. – Что значит –

маленьким?

– Раза в два меньше, – прикинула мать.

Отец встал и поспешил в прихожую к зеркалу, чтобы убедиться в этом собственными глазами. Одежда волочилась за ним по полу. Но зеркало теперь висело слишком высоко, так что матери пришлось подойти и приподнять отца.

– Действительно, – пробормотал он, увидев своё отражение. – Но это ужасно некстати! Мне как раз предложили должность начальника отдела. Что скажут коллеги?

До сих пор Леночка ещё сдерживалась, но тут прыснула. Она так и каталась по дивану от хохота.

– Абсолютно ничего смешного, – строго произнесла мать, вернувшись в гостиную и усадив отца в кресло. – Дела очень плохи. Не исключено, что это какой-то вирус. Нам нужно срочно позвонить врачу и попросить его прийти.

– Нет, – ответила Леночка, которая от смеха едва могла говорить, – это не вирус.

– Много ты понимаешь в этом, всезнайка, – возразила мать и схватилась за телефон.

– Не надо! – крикнула Леночка. – Нет, нет и ещё раз нет! Я не хочу, чтобы приходил врач.

– Мне сейчас совершенно безразлично, чего ты хочешь или не хочешь, – сердито отрезала мать, – сейчас речь идёт о твоём бедном отце.

С этими словами она собралась было поднять трубку, как вдруг раздалось знакомое «пффф!», и мать вслед за отцом

уменьшилась настолько, что платье повисло на ней, как на маленькой вешалке. Прежде в ней было росту метр шестьдесят восемь сантиметров, а теперь можно было насчитать лишь восемьдесят четыре сантиметра.

– Да что же это за напасть такая!.. – вот и всё, что она успела ещё произнести, прежде чем упасть в обморок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.